

УДК 93
ББК 63.3
П-39

Панеш Аскер Дзепшевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, e-mail: askerpanesh@mail.ru

**БРИТАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АДЫГСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 30-е гг. XIX в.
(рецензирована)**

В статье рассмотрены особенности геополитической ситуации на Северо-Западном Кавказе в 30-е гг. XIX в. Показано, что в рассматриваемый период данный регион представляло собой сложное пространство, в котором пересекались стратегические интересы России, Англии и Турции.

Ключевые слова: адыги, политика России, черкесский вопрос, британские интересы, Турция, геополитика.

Panesh Asker Dzepshevich, Doctor of History, professor of the Department of History of State and Law of the Faculty of Information systems in economics and law of Maikop State Technological University, e-mail: askerpanesh@mail.ru

**BRITISH INTERESTS IN NORTH-WEST CAUCASUS IN THE CONTEXT
OF THE RUSSIAN-ADYGHEAN RELATIONS IN 1830s
(Reviewed)**

The article describes the features of the geopolitical situation in the North-West Caucasus in the 1830s. It's been shown that in the considered period the region was a difficult space where the strategic interests of Russia, Britain and Turkey met.

Keywords: Circassians, Russian policy, Caucasus issue, British interests, Turkey, geopolitics.

Проблема военно-политического взаимодействия России и Англии в период Кавказской войны в современной историографии освещается по-разному. Деидеологизация научных подходов к этой теме является, пожалуй, одной из самых сложных задач исторической науки. В оценках британской политики на Кавказе преобладала версия о том, что Англия защищала от «агрессивной» России кавказские народы [1, с. 14]. В историографии советского периода больше всего говорили о захватнических планах британского империализма.

Между тем, участие Англии в «большой кавказской игре» и, в частности, в черкесском вопросе – процесс сложный и далеко неоднозначный. В предлагаемой статье рассмотрены особенности английского влияния на Северо-Западном Кавказе через призму российско-адыгских отношений.

В период наивысшей активности Англии на Северо-Западном Кавказе российское правительство предпринимало решительные меры для пресечения деятельности британских эмиссаров. Весной 1837 г. Николай I в своем рескрипте военному министру и командиру Кавказским корпусом требовал принятия мер против Белла, который готовился к поездке в Черкесию. В это же время из Синопа к черкесскому побережью направилось одномачтовое английское судно с планами «осмотреть весь здешний берег до Анапы» [2, с. 110]. Английская разведка на Северо-Западном Кавказе занималась не только сбором информации об адыгах, она также стремилась не допустить мирных переговоров между ними и Россией. Между тем, именно в 1837 г. Россия предпринимает определенные шаги в сторону налаживания контактов с шапсугами, натухайцами и

абадзехами. Такой поворот в российской политике, очевидно, был обусловлен стремлением найти более гибкие подходы во взаимоотношениях с адыгами.

В 1837 г. Николай I наметил развернутую программу разрешения черкесской проблемы. Суть этой программы заключалась в организации переговорного процесса между непосредственно императором с одной стороны, и избранными для этой цели депутатами адыгов – с другой. Стратегический замысел поездки Николая I на Кавказ состоял в том, чтобы посещением этого края «положить прочное основание к успокоению Кавказских Горских племен и к устройству будущего их благосостояния наравне с прочими народами...» [3, с. 151]. При внимательном изучении программы императора становится ясно, что Николай I абсолютно не представлял себе кавказской реальности, решил положить своим присутствием конец этой непосильной уже для империи войне.

Император придавал предстоящим переговорам важное значение. Подготовка их, как и разработка документов, поручалась видному адыгскому ученому Хан-Гирею, хорошо знавшему историю и культуру черкесов. Как и планировалось, Хан-Гирей прибыл на Северо-Западный Кавказ и провел переговоры со старшинами бжедугов и темиргоевцев, которых военное командование относило к «мирным» горным обществам. Следует отметить, что существовавшая практика деления адыгов на «мирных» и «немирных» не способствовала стабилизации русско-адыгских отношений. По справедливому замечанию Я.А. Гордина, «мирные» горцы- категория трагическая. Добровольно никто из них - за очень небольшим исключением - не подчинялся русским властям...» [4, с. 167].

Бжедугам и темиргоевцам были предъявлены условия, на которые они не могли согласиться. Например, требование «не принимать непокорных на жительство в свои аулы без ведома русского начальника» было абсолютно неприемлемо для адыга.

В проекте положения об управлении адыгскими субэтнотами было указано, что Петербург намерен не допускать «отступления от коренных обычаев горцев» [5, с. 359]. Ориентация на «коренные обычаи горцев» неизбежно подразумевала сохранение явлений, для русской власти абсолютно неприемлемых, таких, в частности, как кровная месть и тем более фундаментальная традиция наездничества [6, с. 157]. Отказаться от наездничества адыгам было чрезвычайно сложно по причинам психологического и ментального характера. Институт наездничества, тесно связанный с куначеством, гостеприимством, покровительством, взаимопомощью, являлся важнейшим компонентом системы воспитания многих поколений. Признать наездничество «преступной практикой означало для адыгов сокрушить и опозорить память предков, оскорбить, перечеркнуть славные исторические предания, отказаться от самих основ своего мировидения» [7].

В 1837 г., по сообщениям военного командования, на Кавказе нарастало напряжение – как на Левом фланге, в Чечне и Дагестане, так и на Северо-Западном Кавказе. Командир отделения Черноморской береговой линии Л.М. Серебряков доносил морскому министру князю А.С. Меншикову о том, что в русский отряд явились три черкеса от шапсугов и натухайцев. Посланники заявили о том, что адыги обратились к английскому королю с просьбой о покровительстве. Присутствовавший при этом генерал А.А. Вельяминов вручил депутатам прокламацию, по которой требовалась от шапсугов и натухайцев безусловная покорность. После обсуждения указанной прокламации, посланники еще раз явились к Вельяминову и вручили ему ответ. В нем адыги объявили свое желание, чтобы русские войска «были выведены, и что не страх заставляет их миролюбия просить, но выполняют приказание английского короля» [8, с. 158].

Действительно, английское влияние в прибрежных горных районах, было достаточно сильное. В труднодоступных селениях Шапсугии и Натухая находились английские офицеры. Однако суть заявления, предложенного адыгами Вельяминову состояла в том, что они выдвигали свои условия мира: нейтралитет, взаимное ненападение. Российская сторона требовала полного подчинения. Адыги оказывали такому жесткому курсу упорное сопротивление. В русско-адыгских отношениях отсутствовала сама основа компромисса [9, с. 159].

Сложность сложившейся ситуации объяснялась тем, что на Кавказе пересекались

стратегические интересы России, Турции и Англии. В основе российской политики лежали геополитические причины, стремление обеспечить коммуникации с Грузией, вошедшей в состав империи.

В донесении Серебрякова Меншикову (май 1837 г.) содержится яркая характеристика настроений адыгов, «которые намерены защищать по-прежнему единодушно земли свои» [10]. В донесении также говорится о присутствии англичан в Черкесии.

Изученные материалы дают основание предположить, что русско-черкесские переговоры были сорваны не только одними «внушениями» английских эмиссаров. Именно в 1837 г. адыги получили от Англии значительную военную помощь. К черкесскому побережью прибыли два английских судна с довольно значительными экипажами. На этих судах адыгам было «доставлено множество разного рода оружия и боевых припасов» [11, с. 112].

Именно надежда заполучить хоть какого-нибудь союзника, после ухода турок, заставила адыгов обратиться к англичанам за помощью. Однако причины сопротивления черкесов российской экспансии были «куда сложнее и глубже, чем расчет на английские пособия» [12, с. 185]. Адыги продолжали отстаивать свою свободу, «поскольку отказ от нее означал для них не просто изменения условий жизни, но крушение традиционного самоощущения...» [13, с. 186]. Было очевидно, что для решения черкесской проблемы, Россия должна была найти другие, более гибкие варианты.

В 1830 г. в Черкесию прибывает англичанин Эдмонд Спенсер [14, с. 4]. По другим данным он посетил Северо-Западный Кавказ в 1836 г. [15, с. 663]. Э. Спенсер прибывает на черкесское побережье из Турции на контрабандном судне. По совету турецкого офицера в Константинополе, долго жившего среди черкесов, он представился гегуэзским врачом. Именно это помогло Спенсеру быстрее проникнуть вглубь Черкесии.

Характер деятельности Спенсера позволяет предположить, что он приехал в Черкесию с разведывательной миссией. Спенсер поддерживал тесную связь с разведчиком Стюартом, племянником Уркарта. В 1837 г. в Лондоне издается книга Спенсера под названием «Путешествия в Черкесию». Она была призвана оказать идеологическое воздействие на английское общество, которое, по мнению Спенсера, еще не осознало всю опасность русской угрозы. По оценке Спенсера, после русско-иранской и русско-турецкой войн конца первой трети XIX в. «Россия провозгласила свое господство» на Черном море [16, с. 11]. Что же касается Турции, «она не может командовать в своих собственных портах, ее купцы не смеют торговать с кавказскими племенами ...» [17].

Рассуждения Спенсера о роли России и Англии в мировой политике, о соперничестве этих держав на Кавказе представляют определенный научный интерес. Они позволяют по-новому взглянуть на проблему реального соотношения британских интересов и степени сопротивления адыгов российской экспансии.

Суть концепции Спенсера заключается в том, что только Англии принадлежало право на мировое господство. Продвижение России на Кавказе он расценивает как завоевательную акцию, направленную прежде всего против Англии.

Спенсер оценивает Северо-Западный Кавказ как наиболее уязвимое место для того, чтобы «поразить» своего главного «врага». При этом ставка делается на самих адыгов, «призванных своей борьбой за независимость решить внешнеполитические задачи Англии на восточном побережье Черного моря» [18, с. 664]. По мнению Спенсера, адыги сражаются за свою самостоятельность «окрыленные надеждами на быструю помощь из Англии» [19, с. 664].

В своей книге Спенсер четко формулирует интересы Англии в Черкесии. Во-первых, война Англии с Россией приведет к внутреннему «революционному взрыву» в русском народе, спровоцирует движение в Польше, могут начаться волнения среди казаков Дона и Кубани. Во-вторых, «внутренний распад» России должен произойти не сам по себе, а на выгодных Англии условиях. И, наконец, Англия опасается упрочения позиций России на Кавказе. «Если она достигнет цели – его завоевания, - пишет Спенсер,

– то следует ожидать небывалый кризис» [20, с. 136]. Под кризисом он подразумевает возможность вторжения России «вплоть до Центральной Индии» [21, с. 138]. Как и другие его соотечественники, Спенсер видит в черкесской проблеме разрешение сугубо английских интересов. Англия добивалась военно-политического и торгового господства на Кавказе и Ближнем Востоке. Такая активность была связана с тем, что в 30-40-х гг. XIX в. в Англии завершился промышленный переворот и «внешнеполитический курс страны, как никогда раньше, был призван удовлетворить новые экономические запросы английской буржуазии» [22, с. 139].

Появление английских эмиссаров в Черкесии было «признаком растущей экономической мощи Великобритании, вызывавшей взрыв военно-политической экспансии» [23, с. 665].

Активное содействие английским эмиссарам оказывала турецкая сторона. В июне 1837 г. российские войска вступили в ожесточенное сражение с командами двух турецких судов и примкнувших к ним адыгов. Под напором численно превосходивших сил войска с значительными потерями вынуждены были отступить. По свидетельству А.А. Вельяминова, Россия не имела возможности полностью заблокировать восточный берег Черного моря [24, с. 123].

Английские эмиссары занимались в Черкесии не только политической пропагандой. Они оказывали адыгам активную поддержку в организации военных сил. Как свидетельствуют архивные источники, Белл и Лонгворт из среды шапсугов, абадзехов и бжедугов «собрали несколько тысяч» воинов «для охранения границы» [25, с. 126].

Английские эмиссары в своей деятельности широко использовали заинтересованность адыгов и турецкой стороны в торговле. Военно-политические события 1837 г. фактически парализовали торговлю адыгов с Россией. Этой ситуацией воспользовались турецкие торговцы, которым было выгоднее совершить одно путешествие в Черкесию, чем четыре поездки в Константинополь [26, с. 127].

Англия рассчитывала на широкое выступление адыгов против России и поэтому их вооружением занялось непосредственно британское правительство. По сообщению российского консула в Трапезунде Герси, в августе 1837 г. в Черкесию было отправлено английское двухмачтовое торговое судно, на борту которого находилось большое количество адыгов. На судне также находилось оружие, предназначенное для черкесов.

Активность английских эмиссаров была также связана с поездкой Николая I на Кавказ. Англичане понимали, что визит российского императора имел целью склонение адыгов к мирным переговорам и поэтому предприняли упреждающие действия. Эмиссарами было сфабриковано «Письмо черкесов» военному командованию, в котором якобы адыги выражали готовность покинуть свои земли, если они отданы России [27, с. 666]. К реальной ситуации в Черкесии это письмо не имело никакого отношения.

Летом 1838 г. при активном содействии англичан на реке Адагум было организовано собрание адыгов, на котором провозгласили создание союза для борьбы против царских войск. Собрание приняло следующие решения: 1) действовать единодушно и утвердить союз присягой; 2) пригласить в союз покорных России адыгов, а в случае отказа угрожать им истреблением; 3) преследовать явных и тайных сторонников России [28, с. 146]. Собрание показало, что отношение адыгов к Англии во всей Черкесии не было одинаковым. Когда собрание достигло реки Убина старшины решительно отказались содействовать англичанам. Несмотря на это, эмиссарам все же удалось сформировать общее ополчение, которое вступило в боевые действия на реке Саше с царскими войсками.

Находясь в Черкесии и поддерживая адыгов в их борьбе за независимость, Белл и другие английские эмиссары ожидали от своего правительства большей военно-политической активности. По мнению Белла, Англия играла роль пассивного зрителя, и что она могла бы сделать больше, чтобы в противостоянии горцев России произошла развязка [29, с. 158]. Он опасался, что в течение короткого времени России удастся покорить Черкесию, и тогда пострадают «наиболее жизненные интересы Англии» [30]. Белл был убежден, что разрешение черкесской проблемы в пользу России «привело бы к падению Персии и Турции и поставило

бы «в опасность владычество» Англии «в восточной части Индии» [31].

Белл не был уверен в том, что среди адыгов сохраниться проанглийская политическая ориентация. Он выражал недовольство пассивностью Англии на Кавказе, «желаемую политику которой он видел в решительных военных действиях на восточном берегу Черного моря, а не в эффектных угрозах, которых придерживался в английском внешнеполитическом курсе лорд Пальмерстон» [32, с. 668].

В Черкесии периодически вспыхивали недовольства в отношении англичан. Обеспокоенный этим, Белл отмечал, что он не видит в этом крае осуществления данных англичанами обещаний. «Великие события» на Северо-Западном Кавказе английскому эмиссару виделись в перспективе военных действий против России.

Между тем британский кабинет был верен своему курсу и «не спешил к развязыванию «большой войны», начало которой английские эмиссары в Черкесии так старательно торопили своими усилиями» [33]. Лондон по-прежнему придерживался тактики использования освободительного движения адыгов в своих интересах.

В начале марта 1839 г. посол России в Турции Бутенев сообщал о приезде в Константинополь трех английских инженеров, имевших рекомендательные письма к адыгам от Сефер-бея. Получив обстоятельные консультации от вернувшегося из Черкесии Лонгворта, англичане отправились в Самсун для приобретения боеприпасов. Они были предназначены для адыгов. По сведениям, полученным российским посольством в Турции, в Константинополе находилось английское купеческое судно «Роберт» с грузом военного снаряжения на борту, предназначенного для черкесов [34, с. 447, 448].

Турецкий двор, формально признавая условия Адрианопольского договора, тайно потворствовал проискам Англии. Султан часто закрывал глаза на действия англичан и их турецких пособников.

Черкесское сопротивление получало определенную поддержку со стороны английских политических и военных деятелей. Планы Лондона в отношении адыгов являлись лишь частью «большой игры» английской дипломатии на Кавказе. Для эмиссаров же, непосредственно действовавших среди адыгов, Черкесия стала «краем разочарования» [35, с. 161].

В начале 40-х гг. XIX в. в русско-английских отношениях наступает относительная стабилизация, что было связано с решением проблемы черноморских проливов в пользу Англии. Лондонский кабинет дорожил преимуществами, полученными над Россией, и старался удержать их [36, с. 158]. Для этого англичане стали воздерживаться от открыто враждебных акций по отношению к России.

Литература:

1. Дегоев В.В. Дипломатическая история кавказских войн первой трети XIX в. // Кавказский сборник. М., 2006. Т. 3(35).
2. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сб. документальных материалов. Тбилиси, 1953.
3. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. М., 2000.
4. Там же.
5. Акты Кавказской археографической комиссии. Тбилиси, 1881. Т. 8.
6. Гордин Я.А. Указ соч.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Гордин Я.А. Указ. соч.
11. Шамиль – ставленник...
12. Гордин Я.А. Указ. соч.
13. Там же.
14. Спенсер Э. Путешествия в Черкесию / предисл., пер. и коммент. Н. Нефляшевой. Майкоп, 1993.
15. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.,

2004.

16. Спенсер Э. Указ. соч.
17. Там же.
18. Блиев М.М. Указ. соч.
19. Спенсер Э. Указ. соч.
20. Там же.
21. Там же.
22. Блиев М.М. Указ. соч.
23. Там же.
24. Шамиль – ставленник султанской Турции...
25. Там же.
26. Там же.
27. Блиев М.М. Указ. соч.
28. Шамиль-ставленник султанской Турции...
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же.
32. Блиев М.М. Указ соч.
33. Там же.
34. АКАК. Т. 9.
35. Шамиль – ставленник султанской Турции...
36. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII-80-е гг. XIX в.). М., 1984.

References:

1. Degoev V.V. *Diplomatic history of the Caucasian wars of the first third of the XIX century // Caucasian collection. M., 2006. V. 3 (35).*
2. *Shamil-protégé of the Sultan Turkey and the British colonialists: collection of documentary materials. Tbilisi, 1953.*
3. Gordin Y.A. *Caucasus: the land and blood. Russia in the Caucasian War of XIX century. M., 2000.*
4. *The same.*
5. *The acts of the Caucasian Archaeological Commission. Tbilisi, 1881. V.8.*
6. Gordin Y.A. *Mentioned work.*
7. *The same.*
8. *The same.*
9. *The same.*
10. Gordin Y.A. *The same.*
11. *Shamil-protege ...*
12. Gordin Y.A. *The same.*
13. *The same.*
14. Spencer E. *Travels in Circassia / introduction, translation and commentaries by N. Neflyasheva. Maikop, 1993.*
15. Bliiev M.M. *Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. On the road to civilization. M., 2004.*
16. Spencer E. *The same.*
17. *The same.*
18. Bliiev M.M. *The same.*
19. Spencer E. *The same.*
20. *The same.*
21. *The same.*
22. Bliiev M.M. *The same.*
23. *The same.*

24. *Shamil - a protégé of the Sultan Turkey ...*
25. *The same.*
26. *The same.*
27. *Bliev M.M. The same.*
28. *Shamil-protégé of the Sultan Turkey ...*
29. *The same.*
30. *The same.*
31. *The same.*
32. *Bliev M.M. The same.*
33. *The same.*
34. *ACAC. V. 9.*
35. *Shamil-protégé of the Sultan Turkey ...*
36. *Kinyapina N.S., Bliev M.M., Degoev V.V. Caucasus and Central Asia in the foreign policy of Russia (the second half of the XVIII- 80s of XIX cent.). M., 1984.*